

Серия «Экономические миры»

ГЕОРГИЙ
АСАТРЯН

НЕКОРОНОВАННЫЕ
КОРОЛИ
ВОСТОКА

АФГАНИСТАН

ИРАН

ПАКИСТАН

от племенного устройства
до автократий XXI века

Издательство АСТ
Москва
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
А90

Оформление ООО "Издательство АСТ", 2025

Асатрян, Георгий Эминович.

А90 Некоронованные короли Востока (Афганистан, Иран, Пакистан): от племенного устройства до автократий XXI века/ Георгий Асатрян. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 272 с. — (Экономические миры).

ISBN 978-5-17-177020-4

Новую книгу Георгия Асатряна отличает глубокий и всесторонний анализ политико-экономических процессов, происходящих в Иране, Пакистане, Афганистане, а также на всем Ближнем Востоке. Автор исследует, каким образом «Талибан» пришел к власти, а также какую роль в становлении ближневосточных режимов сыграло влияние СССР и США. Асатрян продолжает традицию, начатую Эдвардом Саидом в «Ориентализме». Как признанный эксперт в этой области сложные перипетии «Большой игры» он подает доступным и понятным языком. Благодаря этому изданию читатель сможет понять основные причины глобального противостояния «Восток-Запад» не только через призму идеологий марксизма и пост-колониализма, а во всем его многообразии.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-17-177020-4

© Асатрян Г.Э., текст, 2025
© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2025

Микеле

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	6
Глава 1. Вместо введения. Американцы и Восток	6
Глава 2. Пруссак Востока: Иран и его сопротивление	17
Глава 3. Государство-армия. Пакистан — исламский воин	56
Глава 4. Солнце Азии: от номадов через марксистов к автократии.	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	97
Глава 5. Советская разведка на Востоке и state-building по-марксистски	97
Глава 6. Талибанленд: политэкономическая модель	121
Глава 7. Государство и племена в Афганистане.	164
Вместо заключения.	226
ЛИТЕРАТУРА	228

ОТ АВТОРА

Эта книга не состоялась бы без поддержки моей семьи. Я благодарю родителей, супругу и особенно мою очаровательную дочь, которой я посвящаю эту скромную рукопись.

Я выражаю признательность замечательному коллективу Института мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ и исключительной кафедре истории и философии РЭУ им Г. В. Плеханова.

Хотел бы поблагодарить редактора, культуролога и литературного агента Анну Рафаэлли Арутюнян за поддержку в подготовке проекта книги. Ее вклад сложно переоценить.

Я также выражаю благодарность издательскому дому «АСТ». Сотрудничество с легендарным издательством с такой славной историей было удовольствием. Особо хотел бы поблагодарить прекрасных профессионалов: заведующую редакционной группой Ангелину Швыреву, редакторов Елизавету Рябинину, Анну Горбачеву и Анастасию Дмитриеву. Также выражаю слова признательности великолепному корректору Ирине Манлыбаевой.

ГЛАВА 1

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. АМЕРИКАНЦЫ И ВОСТОК

В ноябре 2023-го не стало Генри Киссинджера. В октябре того же года он дал свое последнее интервью¹, в котором заявил, что «не видит мирного исхода, если в конфликт вовлечен ХАМАС». «Формальный мир не гарантирует прочного мира. Трудность решения проблемы создания двух государств показывает опыт ХАМАС. Газа была объявлена квазинезависимой, чтобы проверить возможность решения проблемы двух государств», — добавил он. Из его ответа можно сделать вывод, что сектора Газа в скором времени не будет. Израиль уничтожит эту территорию как самоуправляемую. То же самое можно сказать про ХАМАС. Я не утверждаю, что это случится, и тем более не даю оценок подобной стратегии. Я говорю о том, что Израиль при определенной поддержке Соединенных Штатов будет вести такую политику. Что из этого выйдет — предугадать сложно. Однако одно можно утверждать с уверенностью: Генри Киссинджер был одним из ключевых архитекторов ближневосточной политики Америки и Израиля. Стоит сказать несколько слов о нем.

Страны и общества Востока встретили известие о смерти дипломата и стратега скорее с радостью. Для

арабов он всегда был врагом, а в Израиле к нему относились с почтением, несмотря на то, что не сильно ему доверяли. Им всегда казалось, что он может дать им больше. Иранцы ненавидели Киссинджера за его поддержку шаха. Турки относились к нему серьезно, хотя и с некоторым недоверием. Пакистанцы ценили его, но опять-таки ждали большего. Афганцы его не любили. В целом на Востоке образ Киссинджера преимущественно негативный. Впрочем, как и почти во всех западных странах, где он проводил свою дипломатию. Его видение будущей структуры международных отношений на Востоке было достаточно простым, но очень близким к реальности. Американскую политику в регионе он критиковал — она ему не нравилась. Он видел будущее в противостоянии Турции, Израиля и Ирана. Американцам удалось выкинуть из большой политики Саудовскую Аравию и интегрировать ее стратегию в свою. Арабы в целом исчезли из большой игры. Восток ждет новый Вестфаль, то есть противостояние трех национальных государств. Это нерв региональной динамики.

Генри Киссинджер был патриархом мировой политики. Ушла эпоха и символ конвергенции науки о международных отношениях с практикой. О нем написано столь много, что я пропущу известные факты биографии и остановлюсь лишь на его дипломатии. Молодой Хайнц эмигрировал в США, спасаясь от расправ нацистов. После войны он попал в Гарвард по программе для ветеранов. Служил в разведке, где его шеф, немец бисмарковского темперамента по имени Фриц, имел обыкновение продвигать своих протеже, ломая любые преграды. Киссинджер скажет позже, что ценности Гарварда сопровождали его всю жизнь, что, разумеется, далеко от истины. Спутниками его жизни всегда

были ЦРУ, коллективный «Фриц», клан Рокфеллеров. В общем, всю жизнь за Киссинджером стояли, как их назвал Валентин Зорин, «некоронованные короли Америки».

Человеком он был невероятно удачливым. Баварские корни и родной немецкий пришлись очень кстати: этнические немцы были одной из доминирующих элитарных групп. При этом социальные лифтов, подобных имеющимся в Соединенных Штатах, нет ни на Западе, ни у адептов многополярности. Молодой Хайнц был тщеславен и был высокого мнения о себе. Его магистерская работа называлась незамысловато, но амбициозно: «Смысл истории». Он сильно выделялся в Гарварде. Тевтонский реализм Киссинджера с самого начала выделял его на фоне коллег-демократов. Хайнц напоминал скорее воскресшего Шпенглера, перенесенного в Новую Англию, чем американского политического ученого. Германское было видно в нем.

В диссертации Киссинджера «Восстановленный мир» адепты реалистской школы все еще умудряются находить рецепты для мира современного. Здесь выкристаллизовывается наследие дипломата с его поклонением концепции баланса сил, актуальной для позапрошлого столетия. Киссинджер боготворит консервативного, смотрящего за европейским порядком Меттерниха. После Французской революции и Наполеоновских войн Священный союз силами России, Австрии и Пруссии заморозил Европу. Борясь с новым явлением, политической нацией, адепты монархии добились отсутствия крупных войн на континенте. Однако, подавляя национальные революции, они шли вразрез с историческим процессом. Александр Герцен скажет, что подавление восстаний отменило успехи

Французской революции. Для Киссинджера же Венская система и баланс сил — эталон государственного мышления.

В 1970-х президент Ричард Никсон предложил неизвестному на тот момент профессору стать советником по национальной безопасности. Однако сам хозяин Белого дома глубоко не изучал эпистолярные успехи дипломата — здесь, по всей видимости, снова наблюдается невидимая рука коллективного «Фрица» и некоронованных королей. Москва заинтересовалась личностью нового советника, но советское посольство знало о восходящей звезде немного.

Перед Киссинджером встали, казалось бы, нерешаемые задачи. Нужно было найти приемлемый выход из Вьетнамской войны, ставшей катастрофой. Давно назрел вопрос стратегической стабильности. Нужно было решать ряд региональных конфликтов. При этом было важно, чтобы действия за рубежом не подорвали внутреннюю стабильность. Да и вообще нужно сказать, что 1970-е были крайне непростым временем для Америки. Холодную войну она точно не выигрывала, да и внутри происходили масштабные протесты, акции гражданского неповиновения, то и дело возникали различные «черные пантеры». Марксисты по всему миру стремились переосмыслить себя, реформировать свою теорию, придать ей новые формы сопряжения материального с идейным. Киссинджеру нужно было найти что-то, что в перспективе станет той самой последней соломинкой, которая переломит хребет верблюду. И он ее найдет по ту сторону Тихого океана. А в центре его поисков будет все та же реалистская концепция баланса сил.

Через несколько лет после переезда из Новой Англии Киссинджер уже стал звездой, его называли «не-

заменяемый человек». В Америке тогда шутили: «только подумайте, что будет, если Киссинджер умрет». Киссинджер — это талант, мастер дипломатии, практической составляющей науки, именуемой международными отношениями. При этом его вклад в саму политическую науку (академию) если не кривая, стремящаяся к нулю, то колеблющаяся переменная. Киссинджер не придумал ничего нового, вся его наука — это старый добрый реализм позапрошлого века. Его сильные стороны — взгляд на проблему в отрыве от всего того, что называется моралью и ценностями, абсолютное игнорирование скупого права и идейного наследия ренессантистов. Киссинджер — сторонник примата полезности над ценностными аспектами дипломатии. Это то, что было нужно американцам на пике холодной войны. И это то, что эффективно сработало против советских марксистов. В западном либеральном политикуме Киссинджер — анахронизм. Он бы не только не достиг вершины карьерной лестницы, но даже не преодолел бы ее первой ступени. При этом его дипломатический и стратегический талант неоспорим.

Анатолий Добрынин, советский посол в Вашингтоне, отдавал должное «старине Генри». «Мы были одновременно и противниками, и партнерами», — писал он в «Сугубо доверительном». Киссинджер был великолепен в кулуарных переговорах. Когда обсуждался вопрос американской компартии, он саркастически говорил Добрынину, что их на самом деле вдвое меньше, так как половина из них — агенты ФБР². И, что удивительно, это не было пижонством — говорил он искренне. Но советские политики все равно продолжали эту игру, полагая, видимо, что операцию «Трест» изучали только они. Отношения двух дипломатов были неформальными, а встречи — частыми. Добрынин часто за-

ходил к Киссинджеру в Белый Дом, пользуясь служебным входом.

Ретроспективный взгляд показывает, что китайская карта стала значимой в дипломатии Киссинджера. Здесь опять мы видим следование принципу баланса сил и школе реализма. «Открытие» Киссинджером Китая воспринималось как сенсация. Это отчетливо показывают архивные материалы и периодика того времени. Стратегия Киссинджера сработала: союз Америки с китайскими коммунистами шел вразрез со стереотипами эпохи. Киссинджер ломал шаблоны и правила, подобно тому, как французский кардинал Ришелье из сердца католического мира вступал в союз с протестантами Габсбургами. Это был праздник реалиста. Он действовал так же, как делали его кумиры, о которых он писал в «Восстановленном мире»: создавал альянсы, несмотря на религию, идеологию и прочие «ненужные» и сентиментальные детали.

Сам Киссинджер, по всей видимости, предпочитал относить себя к прагматикам. Вот что он писал в мемуарах «Годы в Белом Доме»: «В Америке существует идеалистическая традиция, которая рассматривает внешнюю политику как соревнование между добром и злом. Существует прагматичная традиция, которая стремится решать проблемы по мере их возникновения»³. Тезис о балансе сил стал краеугольным камнем его дипломатии (но не теории — у него ее не было). Если история чему-то и учит, писал Киссинджер, так это тому, что не может быть мира без равновесия и отсутствия справедливости без ограничений. Другой важной составляющей его концепции стал примат легитимности. Любой порядок может называться прочным, если его признают другие. Это отделяет Киссинджера от реалистов старой школы, которые отрицают

важность легальности действий (необязательно юридической) и стремятся свести политику к грубой мощи. Цель дипломатии — преследование национальных интересов. Чтобы этот процесс состоялся, нужно обеспечить признание твоих действий со стороны других акторов. Пожалуй, это то, чего иногда не хватает реалистам. Не только сила рождает право, но и признание права на силу рождает право.

В 2020 году издательский дом Кембриджского университета выпустил книгу «Воображая Афганистан»⁴. Я получил ее из Канады одним из первых: мне повезло ее рецензировать для замечательного журнала *Pacific Affairs*, одного из первых журналов по международным отношениям, выпускаемого в наши дни Университетом Британской Колумбии. Книга была хорошо встречена учеными англосферы и удостоена множества престижных наград. Важно о ней поговорить, чтобы понять, что творится в головах американских и британских джентльменов, занимающихся Востоком. Ибо Восток сегодня — регион англосферы. Она правит Востоком. Она определяет вектор его развития. Она управляет глобальными политическими и экономическими процессами на Востоке. За редким исключением Восток сегодня — регион эксклюзивных и привилегированных интересов и геополитических экспериментов американцев и их товарищей из Англии и по-прежнему, как и 100, и 200 лет назад, Шотландии.

Первое появление Афганистана в западной литературе произошло при Маунтстюарте Эльфинстоне, шотландце на службе Британской империи⁵. Афганистан крайне редко изображался на политических картах мира. В основном на них был отмечен Кабул и Кандагар, а единого афганского государства не было. Затем, на протяжении всего XIX века, Афганистан рассматри-

вался через призму военной политики и противостояния двух империй — Великобритании и России — в так называемой большой игре. Советское вторжение вернуло Афганистан на карту, прежде чем он исчез после окончания холодной войны. Автор взял на себя трудную задачу: историко-социологический анализ интерпретаций и представлений Афганистана в англосфере. Главный тезис монографии — производство и культивирование знаний о незападном мире посредством интеллектуального труда западного мира.

Автор идет по пути адепта конструктивистской теории, отмечая, что все знания об Афганистане были сконструированы колониальными и имперскими элементами. Перефразируя основателя конструктивизма в международных отношениях Александра Вендта, Афганистан — это то, что из него сделали великие державы. При прочтении книги у меня порой складывалось впечатление, что все проблемы Афганистана созданы Лондоном и Вашингтоном. Иногда кажется, что книгу можно было бы назвать «Стереотипы в трудах ученых, изучающих Афганистан и его общество» или «Как все неправильно исследовали Афганистан». Тем не менее этот теоретический труд не лишен научной ценности. Эксперты по Афганистану родились в одночасье, пытаются заполнить вакуум знаний, возникший в результате пренебрежения этой страной до событий 11 сентября. Стоит отметить, что все империи прошлого и настоящего львиную долю своих знаний о Востоке черпали у тех, кого я называю «местный информатор-носитель», или *native informant*.

Эта публикация Кембриджа напомнила мне бесмертную классику — книгу Эдварда Саида «Ориентализм», изданную в 1978 году. Рожденный в Иерусалиме, этот палестинский христианин перебрался в Сое-

диненные Штаты и стал профессором Колумбийского университета и членом влиятельного Американского философского общества, созданного Бенджамином Франклином. Появление этой книги стало возможным благодаря культурной революции на Западе в 1960-х годах и болезненной рефлексии американского общества из-за трагической войны во Вьетнаме. Саид утверждал, что Восток не столько существует как объективная географическая или культурная данность, сколько создается в западном воображении и представлен через призму силы и подчинения. Запад, прежде всего Великобритания, Франция, а позже Соединенные Штаты, создавал «Восток» для того, чтобы усилить идентичность самих себя. Запад намеренно создал дуализм Восток — Запад. Дискурс Запада о Востоке (в понимании этого термина у Мишеля Фуко) имеет необъективный и имперский характер.

В понимании Саида Запад присвоил монопольную гегемонию формирования знаний о Востоке. Восток якобы неспособен к рациональной науке, в отличие от Запада. «Восток (Orient) — это почти всецело европейское изобретение... он был вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний. Теперь он исчезал на наших глазах, в определенном смысле даже уже исчез — время его прошло. Казалось совершенно неуместным, что у восточных людей в ходе этого процесса могут быть какие-то собственные интересы...» — писал Саид⁶. Ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком. Тезисы Саида были восприняты неоднозначно, однако они оказали существенное влияние на западную модель восприятия Востока и всего восточного. Они, разумеется, ни-

чего не поменяли, не исправили проблему — но громко заявили о ней. Проблема была вынесена на всеобщее обозрение.

Вовлеченность Соединенных Штатов в восточную политику представляет собой экспоненциальную кривую. Суть ее заключается в росте вовлеченности, которая пропорционально зависит от роста самой величины значения объекта. Одним словом, Америка увеличивает или уменьшает свое присутствие в регионе в зависимости от значения процессов, происходящих в стране. Стратегия эта сугубо рациональная и укладывается в реалистскую конструкцию видения мира и международных процессов. Генезис американской политики на Ближнем и Среднем Востоке определить достаточно сложно. Сегодня это один из наиболее изучаемых и актуальных объектов во всей дисциплине. По разным подсчетам, в Соединенных Штатах существует несколько сотен исследовательских институтов, занимающихся восточным регионом⁷. Но так было не всегда — у вовлеченности Америки в восточную политику долгая история становления. От игнорирования до легких и sporadических контактов до постепенного вхождения в регион в качестве основной нерегиональной глобальной силы, гегемона и спонсора различных процессов и явлений.

Еще в начале XX века военный теоретик Свечин описал некоторые конфликты современности. Он называл современные методы ведения боевых действий «мятежными войнами». Речь идет о локальных конфликтах, в которых нет четко видимой линии фронта, когда противник как бы растворен в пространстве, имеет высокую изоэдренность и «способен конкурировать с целыми государствами». Подобные столкновения сопровождаются активным применением военных